

Jazz & Григ

Фото Павла КОРЕВТА

«Пер Гюнт — блюз»

Семейство Марсалисов — одно из наиболее именитых в современном джазовом мире — давно и близко знакомо российским меломанам. Тенорист Брэнфорд оказался одной из центральных фигур Московского международного фестиваля 1990 года. Его младший брат — трубач Уинтон — вообще один из культовых музыкантов современного джаза. Родился в 1961 году в колыбели жанра — Новом Орлеане. Рок-музыку своего поколения Уинтон играть не захотел. «Я сравнивал рок-концерты и концерты отца, считавшегося в городе лучшим джазовым пианистом-импровизатором. И мне стало понятно, что между роком и джазом — пропасть!»

А потом парень из провинциальной Луизианы отправился покорять Нью-Йорк. Там ему сразу же повезло — попал в знаменитую группу барабанщика Арта Блэйки «Джаз мессенджеры». На следующий день проснулся знаменитым. К тому же у Уинтона был еще запасной путь — с детства играл классические барочные концерты для трубы — Баха, Генделя, Гуммеля, Леопольда Моцарта... В 22 года Марсалис удостоен престижных премий в области звукозаписи («Грэмми») — причем сразу в двух номинациях: как классический солист и как джазовый солист.

В 90-е он возглавляет новый талантливый коллектив — Джаз-оркестр Линкольн-центра, в котором недвусмысленно подражает своему любимому артисту — Дюку Эллингтону. С этим молодежным составом Уинтон побывал в перепрестольной еще прошлой осенью.

И вот он снова в Москве. В программе григowski «Пер Гюнт».

Каждый из пяти номеров григowski сюиты имел два лика — академический и джазовый. И хотя краски, тембры, фразировка были, как и следовало ожидать, популярными (в симфонической версии доминировала мечтательность, созерцательная пейзажность, а в джазовом — динамика, напористость), в целом оба звукомира органично дополняли друг друга. Особенно заметной была эта почти что зеркальная близость в «Песне Сольвейг».

Финал концерта — совместное выступление «сборной», двух оркестров в одном звукомассиве. Дмитрий Лисс дирижировал пластично, выразительно, понятно — как оркестрантам, так и слушателям в зале. Впрочем, марсалисовский бэнд в этом эпизоде определенно заглушал РНО. Зато Марсалис абсолютно точно «развел» оркестры по свингу. Ведь хорошо известно, что академические музыканты исполняют свинговые триоли, немного дергаясь, как бы механично. Марсалис хитроумно избежал этой ловушки: эти куски отдал джаз-оркестру, а материал лирико-созерцательный, текущий — поручил струнным и «дереву». Все прозвучало близко к идеалу. Сам великий Эллингтон был бы, я уверен, вполне доволен.

Аркадий ПЕТРОВ

Между попсой и тяжелой артиллерией

Концерта этого в Москве ждали с таким нетерпением, с каким предвкушают развязку хорошего детек-

тива. Во-первых, по ходу гастролей нью-йоркских джазистов выяснилось, что отменены гастролы в финальной точке маршрута — Шанхае. Боялись, как бы чего не вышло заодно и у нас со всей нашей непредсказуемостью. Но главное — экспериментальная, можно даже сказать, экстравагантная программа: впервые в истории мировой музыки в одной программе играется классическая партитура и ее джазовое прочтение (пусть даже и не столь сильно отступающее от оригинала, как поп-дайджесты Джеймса Ласта или недавнего проекта «Rhapsody — классики в стиле рэп»). Публика весь вечер даже не знала, надо ли аплодировать после каждой части (что всегда вызывает иронические улыбки

в консерватории), и наоборот — можно ли приветствовать эффектную импровизацию прямо во время исполнения, что совершенно нормально в джазе.

В первом отделении прозвучали все пять номеров, записанные Дюком Эллингтоном в 1960 году. То есть, четыре номера, составляющие Первую сюиту из музыки к драме Ибсена «Пер Гюнт» плюс, разумеется, «Песня Сольвейг» (Из Второй сюиты). Увы, Мария Масхулия, заменившая закапризничавшую примадонну Любовь Казарновскую, то ли не была готова петь с микрофоном, то ли просто была

Столетию выдающегося джазового композитора Эдварда К. Эллингтона, более известного как просто «Дюк» Эллингтон, посвящено выступление Джаз-оркестра под управлением Уинтона Марсалиса.

В Кремлевском дворце Джаз-оркестр Линкольн-центра выступил совместно с Российским национальным оркестром. Своими впечатлениями с читателями «ВК» делятся ведущие джазовые критики.

его бессменного ассистента Билли Стрейхорна) — обработка сюиты Грига — обнаруживает глубину его музыкантской интуиции. Чего стоит одна «Смерть Озе» в виде новоорлеанского похоронного марша — чисто афроамериканского жанра, которому джаз обязан своим рождением.

Наши еще раз подтвердили свое академическое реноме. Ясно же, что публика шла в первую очередь «на Марсалиса». Во вторую — на Эллингтона, и только в последнюю на — РНО с Григом.

Второе отделение — музыка Эллингтона в транскрипциях самого Марсалиса для двух оркестров — скорее разочаровало. Несмотря на идеальный выбор лучшей эллингтоновской музыки эпохи 50 — 60-х звучала она не как симфоджаз, а как — прости, Господи — эстрадно-симфонический оркестр вроде знаменитого Boston Pops или нашего силантьевского.

Во-первых, чувства джазового ритма академическим музыкантам определенно не хватало. Во-вторых — момент принципиальный. Марсалис — консерватор, он считает, что с середины 60-х джаз пошел не по тому пути. По словам трубача, один новатор, Джон Колтрейн, перейдя на свободную импровизацию и став авангардистом, «сошел с ума». Другой — Майлз Дэвис, заиграв под аккомпане-

Фото Александра ЗАБОРИНА

не в форме, но «Песня Сольвейг» у нее не получилась ни по-французски, ни по-английски.

Были, правда, непредвиденные обстоятельства — прямо во время исполнения где-то над публикой лопнула лампа, да так громко, что бедный дирижер Дмитрий Лисс заметно вздрогнул — может, подумал о террористическом акте.

В остальном, не считая разве что совершенно излишнего конферанса в исполнении некоей филармонической особы в претенциозном вечернем платье, все было вполне на уровне. Официальные лица в ложах отсутствовали, но можно было увидеть знакомые лица экс-премьера Егора Гайдара и экс-министра Андрея Козырева в практически заполненном партере.

Джазисты Линкольн-центра удобно устроились внутри Российского национального оркестра прямо напротив дирижерского пульта, и в общем получились не полемика на тему, что современнее — классика или ее обработка, а, перефразируя поэта, «спор музыкантов меж собою».

Можно сказать, в первом отделении своей цели американцы добились: доказали, что джаз, по крайней мере, в творчестве Дюка Эллингтона — это и в самом деле достойный вклад Америки в большую музыку. Даже не самая показательная вещь для Эллингтона (и

мент электрических гитар, «продался попсе»). Но благодаря престижным премиям «Грэмми» сразу за джаз и за классику Марсалис пользуется авторитетом почти непререкаемым: согласно журналу «Тайм», он — один из 25 самых влиятельных людей в США. И осуществляет любые свои прихоти. И если реставрации и стилизации классического джаза ему удаются, то для старомодного симфоджаза совсем не нужно было привлекать тяжелую артиллерию вроде РНО.

Слава Богу, после объявленной программы Джаз-оркестр Линкольн-центра сыграл три классических эллингтоновских номера. Наши американцам тоже приготовили сюрприз — место за контрабасом на минуту занял Алексей Исплатовский и продемонстрировал (как на день раньше в «Кусково») саксофонист и телеведущий Игорь Бутман), что и у нас играют настоящей джаз. В результате Уинтон Марсалис вышел на просцениум и без всяких микрофонных шуток сыграл «Mood Indigo» Дюка Эллингтона — так, как на нашей территории еще не играл никто и никогда. И под гениальную эллингтоновскую же «Харису» увел своих джазменов за сцену. До следующего раза. Обещает приехать в третий раз — через год. Ради пары таких вещей, честное слово, стоит ждать.

Дмитрий УХОВ